

Учредители:
Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:
д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Международный редакционный совет:
Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь); д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва)

Редакционная коллегия:
к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабурин В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Екатеринбург); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф. Климанов В.В. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Пилясов А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н. Трейвиш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:
к.г.н. Яськова Т.И.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region_issled@mail.ru

Подписано в печать 23.06.2017
Формат 70x108¹/₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 2 (56), 2017

region_issled@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

- Блануца В.И.** Проблемы развития социально-экономического районирования в эпоху «больших данных» 4
Blanutsa V.I. Problems of development of socio-economic regionalization in the era of «big data»

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ
URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY

- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.** Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? 12
Nefedova T.G., Treyvish A.I. The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or de-urbanization?
- Гонтарь Н.В.** Административное регулирование как фактор поляризации городского пространства 24
Gontar N.W. Administrative regulation as a factor of urban space polarization
- Дмитриева Т.Е., Бурый О.В.** Концепция самодостаточного города в Арктике (пример г. Воркута) 33
Dmitrieva T.E., Buriy O.V. The self-reliant Arctic city concept (Vorkuta's pattern)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
REGIONAL RESEARCH OF POPULATION

- Денисов Е.А.** Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990–2010-е гг. 44
Denisov E.A. Migration processes in the cities of the Russian North in the 1990–2000s
- Абылкаликов С.И., Сушко П.Е.** Роль миграции в формировании населения Крыма 55
Abylkalikov S.I., Sushko P.E. The role of migration in the formation of the population of Crimea

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ
И РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ
GEOGRAPHICAL LIMOLOGY
AND BORDER AREAS DEVELOPMENT

- Михайлов А.С., Михайлова А.А., Кузнецова Т.Ю.** Влияние приграничного фактора на развитие приморских регионов стран Европы 63
Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Kuznetsova T.Yu. Impact of the border factor on the development of coastal regions of Europe

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES
OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

- Екимовская О.А.** Экономико-географические факторы развития товарных отношений в сельских домохозяйствах Республики Бурятия 76
Yekimovskaya O.A. Economic-geographical factors of development of commodity relations in the rural households of the Republic of Buryatia
- Драган М.М.** Пространственная организация сети филиалов вузов в Дальневосточном федеральном округе 84
Dragan M.M. Spatial organization of the university branches network in the Far Eastern federal district

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TOURISM**

Богданова Л.П., Пигарева Е.Ю. Событийный маркетинг как инструмент продвижения территории	93
Bogdanova L.P., Pigareva E.Yu. Event marketing as a tool of promotion of the territory	
Расковалов В.П. Ресурсный потенциал природно-ориентированного туризма в Пермском крае	101
Raskovalov V.P. Resource potential of nature-oriented tourism in the Permsky krai	

**ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ
DISCUSSION INVITE**

Земцов С.П., Бабурин В.Л. Нужна ли география инноваций в России как научная и учебная дисциплина?	114
Zemtsov S.P., Baburin V.L. Do we need geography of innovations in Russia as scientific and educational discipline?	

Сведения об авторах	124

11. Мкртчян Н.В. Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период // Современные исследования миграции населения. М., 2015. С. 94–111.
12. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центро-периферийные взаимодействия в регионах России анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний межпереписной период // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2010. № 8. С. 644–663.
13. Нефёдова Т.Г. Миграционная привлекательность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 106–136.
14. Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
15. Сукнёва С.А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) // Пространственная экономика. 2008. №1. С. 62–77.
16. Фаузер В.В. Роль миграции в формировании населения во вновь осваиваемых районах Севера и Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: вестн. науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкар. гос. ун-та. 2010. №1. С. 111–123.
17. Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s // Post-Soviet Geography and Economics. 1999. №3. С. 155–205.

УДК 314.7

Абылкаликов С.И., Сушко П.Е. (Москва)

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА¹

Abylkalikov S.I., Sushko P.E.

THE ROLE OF MIGRATION IN THE FORMATION OF THE POPULATION OF CRIMEA

Аннотация. Статья посвящена миграциям населения Крыма в последние десятилетия. Проведенный анализ данных переписей населения позволил проследить изменения в миграционных процессах полуострова. Для Крыма характерен миграционный обмен с соседними регионами Украины и России, а также их столицами. Насильственные депортации в годы ВОВ вызвали последующее возвращение на полуостров репрессированных и их потомков из Узбекистана и Казахстана. Если говорить в целом, то роль миграции в формировании населения региона с течением времени снижается, растет доля уроженцев самого Крыма. При этом возможен непродолжительный всплеск миграций, связанный с вхождением полуострова в состав России. Тем не менее, официальные прогнозы миграции, размещенные на сайтах статистических ведомств регионов, представляются завышенными. Среди мигрантов растет доля старожилов – тех, кто достаточно долго живет в месте вселения и имеет наименьшую вероятность дальнейших переселений.

Abstract. The article is devoted to the migration processes of the Crimea in the last decades. Conducted census data analysis allowed us to track changes in migration processes Peninsula. For the Crimea is characterized by migration exchanges with the neighboring regions of Ukraine and Russia. Forced deportations during World War II caused further repatriation from Uzbekistan and Kazakhstan. Generally speaking, the role of migration in the formation of the region's population over time is reduced, increasing the share of natives of the Crimea. This is possible a short burst of migration associated with the entry of the peninsula in Russia. However, official estimates of migration are posted on the websites of statistical offices of regions represented overestimated. Among the migrants is increasing the proportion of old-timers – who lives long enough in the place of introduction, and has the lowest probability of further migration.

Ключевые слова: миграционные процессы, пожизненные мигранты, новосёлы, старожиловы, коренные жители, перепись населения, демографический баланс, Севастополь, Республика Крым.

Keywords: migration, lifetime migrants, settlers, old-timers, the indigenous people, the population census, demographic balance, Sevastopol, Republic of Crimea.

Введение и постановка проблемы.

Население любого региона состоит из уроженцев этого региона, тех, кто в разное время туда приехал, а также тех, кто ранее

оттуда выехал и затем вернулся. Соотношение между данными категориями мигрантов, а также теми, кто родился в регионе и покинул его навсегда, и определяет роль миграции

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

в формировании населения территории. Такую информацию обычно можно получить при проведении переписей населения. В этом смысле, представляется весьма актуальным обобщение информации о миграционных процессах в новых регионах страны – Севастополе и Республике Крым, включенных в состав Российской Федерации в 2014 г.

В переписях, проводившихся в Российской Империи и СССР, вопрос о месте рождения, позволяющий выявить пожизненных мигрантов, задавался в 1897 г. – тогда в Таврической губернии² проживало 8,4% уроженцев других регионов Российской империи и зарубежных стран; в 1926 г. в Крымской АССР – 22,7%. После чего довольно длительное время вопрос о месте рождения в переписях населения не задавался. В переписях 1939–1979 гг. этот вопрос также не ставился. Лишь перепись 1989 г. вновь открыла возможности для определения доли мигрантов в структуре населения полуострова. Следующими для Крыма являются Всеукраинская перепись населения 2001 г. (являющейся на данный момент последней для Украины) и перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 г. В них задавались вопросы о месте рождения, о наличии миграционного опыта и продолжительности проживания в месте вселения. Для характеристики миграционных процессов в постсоветское время в данной работе будут использоваться результаты последних трех переписей населения, проводившихся в Крыму.

Изученность миграционных процессов на Крымском полуострове. Проблематика миграционных процессов в Республике Крым и Севастополе достаточно широко представлена в трудах современных исследователей. Значительная часть из них посвящена депортации крымских народов (работы Р.И. Хаяли [23]), их последующему возвращению (И.М. Прибыткова, О.А. Габриелян и др. [4, 17]) а также послевоенной истории заселения полуострова (работы Э.И. Сеитовой, Н.А. Сидоренко [18, 19]). Обширный пласт исследований связан с вопросами этнической структуры населения данных регионов и ее сдвигами вследствие миграции (Р.А. Старченко, В.В. Степанов, С.Н. Киселев, А.С. Петроградская [10, 20, 21]). Общим

вопросам истории формирования населения Крыма посвящена фундаментальная монография Я.Е. Водарского, О.И. Елисеева и В.М. Кабузана [3]. Однако фактически не рассмотренной остается проблема движения населения на полуострове в постсоветское время. Наблюдаются и методологические нестыковки при сопоставлении данных текущего учёта и переписей населения.

Методология исследования. Стоит особо отметить, что из всех имеющихся в наличии источников статистической информации о миграции (переписи, текущий учёт, выборочные обследования и микропереписи), и в условиях отсутствия общенационального регистра населения, именно переписи считаются наиболее точными и надежными. Так, в России в 2002 г. разница оценки численности населения между текущим учётом и переписью населения составила 1,8 млн чел., а в 2010 г. 968 тыс. чел. В основном эта разница корректируется за счет поправок в оценке текущей статистики миграции за предыдущие годы, т.к. предполагается, что именно миграционное движение учитывается текущим учётом хуже всего, тогда как учёт естественного движения населения (рождаемости и смертности) налажен достаточно полно [12]. В Республике Крым разница между численностью населения по текущему учёту (1967,1 тыс. чел.) и переписью населения (1891,5 тыс. чел.) составила около 4%, а в г. Севастополь около 0,1% (392,8 тыс. чел. по текущему учёту и 393,3 тыс. чел. по данным переписи) [13,14].

В отличие от текущего учёта, фиксирующего движение населения по мере наступления событий, перепись регистрирует данные о *миграционных контингентах* (migrants stock, фактически это число переселившихся, проживающих на определенной территории) на критический момент переписи, а не о *миграционных потоках* (migration flows, то есть в данном случае речь идет о числе зарегистрированных актов переселения, а не о самих людях). Уточняя концептуальные рамки нашего исследования, отметим, что *пожизненными мигрантами* (lifetime migrants) являются такие лица, которые имеют несовпадения места рождения и места жительства на момент пере-

² Таврическая губерния в то время включала в себя примерно в равном соотношении современную Республику Крым и Севастополь, а также обширные территории Херсонской и Запорожской областей Украины.

Рис. 1. Распределение пожизненных мигрантов по месту рождения в Крымской области по данным переписи 1989 г.

писи населения. К *неместным уроженцам* можно отнести жителей региона, родившихся за его пределами, и, соответственно, являющихся межрегиональными или международными мигрантами. Данный подход является широко применяемым в англоязычной научной литературе, однако в отечественной практике изучение миграции на основе сопоставления данных о месте рождения, а также длительности проживания в текущем месте жительства уделяется недостаточно внимания. При этом не в полной мере проработанным остается и понятийный аппарат, что также вызывает проблемы при фиксации тех или иных миграционных явлений [1].

Структура по месту рождения. Перепись населения 1989 г. проведена по всей территории СССР. По ее данным можно установить не только вклад каждого региона РСФСР и Украинской ССР (а также других частей Советского Союза) в формирование населения существовавшей на тот момент Крымской области, но и территорий, в которые уезжали люди, родившиеся в Крыму. Так, если рассматривать структуру *неместных уроженцев* (приехавших) и *уехавших уроженцев* Крыма, то можно сделать вывод, что наиболее тесные миграционные связи были с РСФСР и УССР (рис. 1).

Прежде всего, крымчане предпочитали уезжать в такие регионы, как Краснодарский край, Москва, Ленинград, Тюменская область; Запорожская, Херсонская, Донецкая, Днепропетровская и Одесская области Украины. Высокая доля *уроженцев* Крыма в Центральной Азии вызвана депортациями в 1944 г. [16]. Так, в Узбекистане по

переписи 1989 г. жили 67 тыс. *уроженцев* полуострова (особенно в Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях), а Казахстане – почти 28 тыс.

Среди приехавших много выходцев из соседних регионов – Херсонской, Винницкой, Сумской и Донецкой областей УССР; Краснодарского края, Курской, Брянской и Воронежской областей РСФСР; а также Казахской и Узбекской ССР. Если приехавших 1378 тыс. чел. (58% от всего населения полуострова), то уехавших было 489 тыс. чел. или почти каждый третий от числа всех родившихся в Крыму. Таким образом, приехавших пожизненных мигрантов, по данным последней советской переписи, было почти в 3 раза больше, чем уехавших с полуострова.

Всеукраинская перепись 2001 г. не позволяет провести детализированный анализ *неместных уроженцев* из России в региональном разрезе, а крымская перепись 2014 г. – по регионам Украины. Более того, последняя перепись была проведена только на территории полуострова, поэтому невозможно определить, как изменились предпочтения выходцев из Крыма в выборе регионов России в качестве своего места проживания. Также по переписи 1989 г. Крымская область дана без разделения на Севастополь и остальной полуостров. Исходя из вышеперечисленных ограничений, составим следующую группировку населения Крыма по месту их рождения – Россия, Украина, Крым, страны СНГ, другие государства (включая страны Балтии, Грузию, Южную Осетию и Абхазию) и неуказанные территории (табл. 1).

Структура населения Крыма по месту рождения*

Место рождения	1989 г.		2001 г.		2014 г.	
	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %
Россия	666,8	27,2	481,3	20,0	340,1	14,9
Украина	503,7	20,5	383,9	16,0	356,0	15,6
Крым (в целом)	1052,9	42,9	1183,8	49,3	1247,2	54,6
Страны СНГ	175,9	7,2	279,2	11,6	250,7	11,0
Другие государства и территория не указана	31,3	1,3	73,0	3,0	110,6	4,8
Всего	2452	100	2401	100	2285	100

* Составлено по данным переписей населения за соответствующие годы.

Несмотря на то, что в постсоветское время по миграционной привлекательности среди украинских регионов Автономная Республика Крым уступала только столичному Киеву [22], все же стоит отметить, что миграционный прирост населения по сравнению с послевоенным временем был небольшим [18]. Если рассмотреть структуру населения Крыма (вместе с Севастополем) по месту рождения (табл. 1), то можно выяснить, что даже несмотря на снижение общей численности населения неуклонно повышается доля уроженцев самого Крыма – с почти 43% по данным всесоюзной переписи 1989 г. до 54,6% по крымской переписи 2014 г. (или с 1 053 до 1 247 тыс. чел.). При этом сильнее всего снизилась доля уроженцев России (с 27,2 до 14,9%), а доля выходцев из регионов Украины сократилась с 20,5 до 15,6%, но превысила показатель уроженцев России³.

Таким образом, с течением времени население Крыма все меньше миграционно взаимодействует с окружающими территориями. При этом в межпереписной период 1989–2001 гг. выросла доля уроженцев стран СНГ. В первую очередь, за счет выходцев из Узбекистана (почти 7,3%, тогда как по переписи 1989 г. их было около 3%) и в меньшей степени Казахстана (1,3%). Преимущественно, они являются потомками депортированных ранее народов Крыма (крымских татар, а также греков, армян, болгар), начавших возвращаться на полуостров с конца 1980-х гг. [17, 22]. Произошло некоторое уменьшение доли выходцев из СНГ в период с 2001 по 2014 г.⁴ При этом численность уроженцев

Узбекистана и Казахстана растет с меньшими темпами. Так, в 1989 г. приехавших из Узбекистана было 38 тыс. чел, в 2001 г. – 168 тыс., в 2014 г. – 162 тыс. чел; из Казахстана в 1989 г. – 44,2 тыс., в 2001 г. – 28 тыс., в 2014 – 29,4 тыс. чел. По сути, эти данные свидетельствуют, что основная часть репатриаций произошла в период 1989–2001 гг.

При рассмотрении субъектов Крымского полуострова по отдельности можно выявить, что в Севастополе по данным последней переписи доля уроженцев и России, и Украины (20,8 и 17,4% соответственно) значительно выше, чем в Республике Крым. В республике уроженцев России всего 13,6%, Украины – 15,2%, но зато фиксируется более высокая доля выходцев из СНГ (12,3%, тогда как в Севастополе всего 4,6%). Таким образом, роль пожизненной миграции в формировании населения Республики Крым и Севастополя неодинакова.

Длительность проживания. Важной характеристикой процесса миграции является не только направленность миграции, но и продолжительность проживания в месте вселения. Миграция всегда сопровождается сменой условий жизни. Эти различия между территорией исхода и вселения особенно сильны при переселении на большие расстояния: чем они длиннее, тем больше изменений мы можем наблюдать. От времени проживания в новом населенном пункте зависит обустройство, обрастание социальными связями, обзаведение недвижимостью и другим имуществом, доступом к социальным

³ В будущем удельная доля уроженцев России в населении Крыма будет сокращаться меньшими темпами, чем в 1989–2014 гг. Возможно, эта доля даже будет незначительно расти и превысит долю выходцев из Украины.

⁴ Авторы связывают данный факт с возрастанием доли не указавших территорию своего рождения, численность которых вместе с уроженцами других стран выросла с 73 до 111 тыс. чел.).

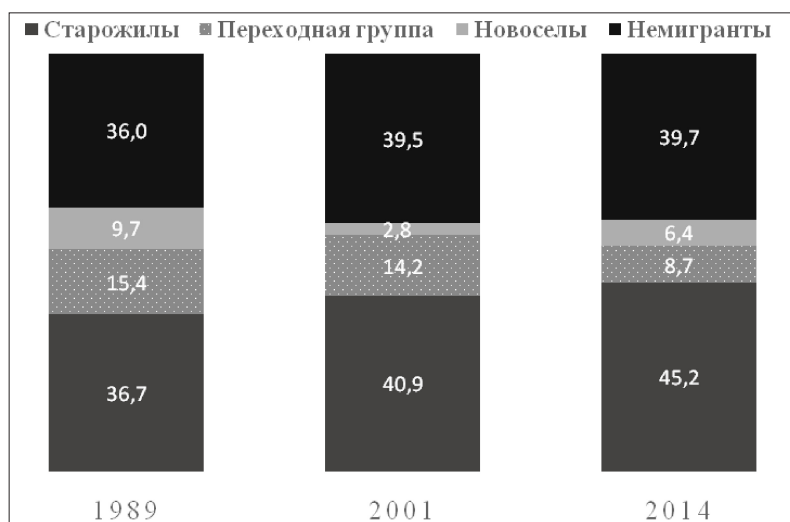

Рис. 2. Структура населения Крыма по длительности проживания в месте жительства
Составлено по данным переписей населения

услугам, рынку труда и другими атрибутами, присущими старожилам и коренным жителям. В связи с этим, все население территории можно разделить на четыре группы: недавно вселившиеся *новосёлы*, давно живущие *старожилы*, *переходная группа* от новосёлов к старожилам и коренные жители (*немигранты*), которые живут в населенном пункте непрерывно с рождения⁵.

В.И. Переведенцев [15] отмечает, что основное различие между новосёлами и старожилами в их разной миграционной подвижности. Другими словами, чем дольше живет человек в месте своего вселения, тем меньше вероятность его дальнейшего переезда. Так, советские исследования 1960–1970-х гг. выявили, что интенсивность миграции у индивидов, проживших в месте вселения до 5 лет, в 6–7 раз выше, чем у тех, кто прожил более 5 лет. А из общего числа новосёлов, проживших менее 2-х лет, уезжало до 30–60% [8]. Западные исследования в целом подтверждают эти цифры [24–26].

Разработка и публикация данных переписей 1989, 2001 и 2014 гг. по продолжительности проживания велась по разным методологическим принципам и в разных социально-экономических и политических условиях. Тем не менее, авторам удалось их интегрировать и составить собственную группировку

населения. Так, в данной работе новосёлами будут считаться проживающие от 0 до 3 лет (0–2 года по переписи-2001), переходной группой – от 4 до 11 лет (3–11 лет по переписи-2001), старожилами – те, кто живет в месте вселения 12 и более лет. При этом по всеукраинской переписи критерий выделения новосёлов и переходной группы отличается на 1 год. Лица, живущие в месте вселения от 0 до 11 лет, составляют мигрантов, не являющихся старожилами (рис. 2).

В 1989 г. новосёлом в Крыму считался почти каждый десятый, тогда как на 2014 г. только каждый 16-й. К сожалению, напрямую сравнить долю новосёлов в 2001 г. с данными остальных переписей невозможно. Тем не менее, мы можем говорить о том, что их стало значительно меньше по сравнению с 1989 г. А вот численность старожилов увеличивается. Эти данные, наряду с ростом в структуре населения доли уроженцев самого Крыма, свидетельствуют о том, что миграция в постсоветское время играет меньшую роль в формировании населения, чем это было в предыдущие исторические этапы и, в особенности, в послевоенное время. При этом в Севастополе в 2001 г. и новосёлов, и старожилов в относительном измерении было больше, чем в остальном Крыму. В то же время в 2014 г. в связи с высоким притоком мигрантов в Севастополь,

⁵ Особой категорией являются возвратные мигранты (выехавшие и затем вернувшиеся на территорию своего рождения). Однако данные российских и украинских переписей не позволяют выделить эту важную часть населения по отдельности.

численность старожиллов сократилась, а доля новосёллов существенно возросла.

Критерий проживания в месте рождения фактически свидетельствует о наличии миграционного опыта. Если в возрастах до 15 лет опыт переселения есть у 15–20%, то к возрастам 30–39 лет уже примерно у 60–70%, а в 70 лет и старше этот показатель превышает 90%. И это вполне закономерно: чем старше человек, тем больше вероятность того, что он хотя бы раз в жизни совершал переезд. При этом и Севастополь, и Республика Крым имеют схожую картину, за исключением того, что сельское население, как и в России [1, 2], миграционно более подвижно. А если рассматривать данный показатель в гендерном разрезе, то в Севастополе доля мужчин (18–24 года) с миграционным опытом на 16% больше, чем у женщин в аналогичном возрасте. Хотя в старших возрастах эти различия сглаживаются.

Сравнение переписи и текущего учёта.

Население любой территории может изменяться за счет соотношения рождаемости и смертности (естественный прирост), а также прибытия и выбытия (миграционный прирост). Особым случаем является административно-территориальные изменения, затрагивающие внешние границы. Несмотря на вхождение Крымского полуострова в состав Российской Федерации, границы Республики Крым и территорий, подчиняющихся городу Севастополь, остались прежними, что позволяет определить миграционный прирост обеих территорий методом демографического баланса.

Согласно уравнению демографического баланса, миграционный прирост равен разности общего и естественного прироста. Поскольку считается, что процессы рождаемости и смертности поддаются текущему учёту в лучшей степени, чем миграция, а общий прирост определяется непосредственно по результатам переписи, то показатель миграционного прироста, рассчитанный при помощи демографического баланса, будет более точным, нежели определяемый текущим учётом [6].

Население и Республики Крым, и всего полуострова в целом имеет режим воспроизводства, при котором в межпереписные периоды естественная убыль частично компенсировалась миграционным при-

ростом (табл. 2). При этом г. Севастополь в период 1989–2001 гг. имел незначительную миграционную убыль населения, а в 2002–2014 гг. – положительный общий прирост за счет превышения миграционного притока над естественной убылью населения.

При сравнении между собой миграционного прироста, полученного методом демографического баланса и рассчитанного по текущему учёту миграции, можно заметить, что данные текущего учёта имеют более высокие значения. Это является обычной практикой и для остальных регионов России. Наиболее частыми причинами неточности текущего учёта миграции является недоучёт выбытий (особенно это касается эмиграции из страны) [5], а также то, что не все фактически постоянное население имеет регистрацию по месту пребывания и по месту жительства. На особенности учёта влияют и изменения правил миграционного законодательства [11].

При этом метод демографического баланса имеет существенный недостаток – он может быть рассчитан только для межпереписных интервалов, тогда как текущий учёт позволяет определить прирост (в том числе и по отдельным компонентам) за каждый конкретный год и обладает большей оперативностью, способностью оценить демографическую ситуацию в любой момент времени.

Официальные прогнозы численности населения, опубликованные на сайтах региональных статистических ведомств, предполагают довольно высокий миграционный прирост – от 20,6 тыс. чел. в 2016 г. до 18,8 тыс. чел. в 2030 г. в Республике Крым [13] и от 15,2 тыс. чел. в 2016 г. с постепенным снижением до 7,7 тыс. чел. в 2030 г. в Севастополе [14]. При этом оба прогноза предполагают отрицательный естественный прирост и положительный общий прирост за счет высокой миграции в течение всего периода.

По мнению авторов настоящей статьи, прогноз для Севастополя является более правдоподобным, тогда как для Республики Крым он явно завышен с точки зрения миграции. Составители прогноза исходили из того, что высокий миграционный прирост в 2014–2015 гг. (более 16 тыс. чел. в год) будет не только продолжаться, но и повышаться.

Однако, представляется весьма вероятным, что за всплеском миграций, на протя-

Компоненты изменения численности населения Крыма*

Общий прирост	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	-32,1	-68,5	-100,6
Севастополь	-18,1	16,2	-1,9
Крым и Севастополь	-50,2	-52,3	-102,5
Естественный прирост	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	-103,0	-103,7	-206,7
Севастополь	-17,5	-19,7	-37,2
Крым и Севастополь	-120,5	-123,4	-243,9
Миграционный прирост	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	70,9	35,2	106,1
Севастополь	-0,6	35,9	35,3
Крым и Севастополь	70,3	71,1	141,4
Миграционный прирост по текущему учёту	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	57,9	50,7	108,6
Севастополь	1,0	37,8	38,9
Крым и Севастополь	58,9	88,6	147,5

* Составлено по данным переписей населения за соответствующие годы и материалам текущей статистики.
Источники: [7, 9, 13, 14].

жении нескольких лет после присоединения к России, значения миграционного прироста снизятся и будут более сопоставимы с наблюдавшимися в предыдущие годы (по 3–5 тыс. чел. ежегодно в течение десятилетия до последней переписи). В Севастополе в 2014 г. миграционный прирост достигал отметки в 13,6 тыс. чел., а в 2015-м почти 18 тыс. чел., но в 2004–2013 гг. в среднем ненамного превышал 2 тыс. чел. в год. И это в условиях систематического завышения показателей миграции текущим учётом.

Выводы. В последних трех переписях, проводившихся на полуострове, фиксировалась информация о пожизненной миграции. Эти данные позволили выявить, что Крым в большей степени связан с соседними регионами Украины и России (а также Москвой и Ленинградом по информации об уехавших уроженцах в переписи-1989). Связи с Узбекистаном и Казахстаном вызваны массовыми депортациями в 1944 г. и дальнейшим возвращением насильственных переселенцев и их потомков. Репатриация представителей депортированных народов в настоящее время почти прекратилась. Во многом

это связано с тем, что многие желающие вернуться на полуостров уже реализовали свои намерения. Возвращение крымских татар и в целом внешняя по отношению к полуострову миграция оказывает все меньшее влияние на формирование населения Крыма. Кроме того, растет продолжительность проживания мигрантов в месте жительства: приехавшие становятся старожилками, мало отличающимися от местного населения по склонности к дальнейшей миграции.

Сравнение переписей и текущего учёта свидетельствует о завышении миграционного прироста последним. Вполне вероятно, что это обстоятельство приводит к сильному завышению демографических прогнозов. При этом возможно продолжение активизации миграции на протяжении последующих нескольких лет. Прежде всего, за счет взаимного обмена с соседними регионами (Краснодарский и Ставропольские края, Ростовская область), с регионами Украины; также возможно появление потока из Сибири и Дальнего Востока. Но при этом, скорее всего, возникнет и отток в Москву, Санкт-Петербург и, в меньшей степени, в газо-нефтедобывающие регионы Западной Сибири.

Библиографический список

1. Абылкаликов С.И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 65–73.
2. Андреев Е.М., Рахманинова М.В. Внутренняя миграция в России: прошлое и настоящее // Вопросы статистики. 1999. № 5. С. 53–63.

3. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVII – конце XX века: численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003. 160 с.
 4. Габриелян О.А. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь: Изд. дом «Амена», 1998. 340 с.
 5. Денисенко М.Б. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России: Социология, этнология. 2003. Т. 12. № 3. С. 157–169.
 6. Денисенко М.Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.
 7. Державна служба статистики України. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 03.02.2017).
 8. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 164 с.
 9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат СССР, 1990.
 10. Киселев С.Н., Петроградская А.С. Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь: ТНУ, 2008. Т. 4. Вып. 1–2. С. 85–94.
 11. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Внутрироссийские миграции // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 309–342.
 12. Население России 2010–2011. Восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. 475 с.
 13. Официальный сайт Крымстата. URL: <http://crimea.gks.ru/> (дата обращения: 03.02.2017).
 14. Официальный сайт Севастополястата. URL: <http://sevastopol.gks.ru/> (дата обращения: 03.02.2017).
 15. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
 16. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ–Мемориал, 2001. 328 с.
 17. Прибыткова И.М. Эмиграционный потенциал крымских татар // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 95–104.
 18. Сеитова Э.И. Трудовая миграция в Крым (1944–1976) // Пространство и Время. 2013. № 2 (12).
 19. Сидоренко Н.А. Миграция и этнические процессы в Крыму в 40–70-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. 2012. № 238. С. 141–145.
 20. Старченко Р.А. Этнодемографические сдвиги в Крыму // Грамматика гостеприимства / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2015. С.325–362.
 21. Степанов В.В. Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма. М.: Наука, 2003. С. 330–357.
 22. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность / Под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
 23. Хаяли Р.И. Расселение крымскотатарского народа во второй половине XX столетия в условиях депортации и возвращения в Крым // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52. С. 62–67.
 24. Dustmann C., Weiss Y. Return migration: theory and empirical evidence from the UK // British Journal of Industrial Relations. 2007. Т. 45. № 2. P. 236–256.
 25. Land K.C. Duration of residence and prospective migration: Further evidence // Demography. 1969. Т. 6. № 2. С. 133–140.
 26. Morrison P.A. Duration of residence and prospective migration: the evaluation of a stochastic model // Demography. 1967. Т. 4. № 2. P. 553–561.
-
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абылкаликов Салават Иргалиевич – преподаватель кафедры демографии, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
E-mail: sabykcalikov@yandex.ru

Богданова Лидия Петровна – доктор географических наук, заведующая кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета, г. Тверь
E-mail: bogdanova.lid@yandex.ru

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: vbaburin@yandex.ru

Блануца Виктор Иванович – доктор географических наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск.
E-mail: blanutsa@list.ru

Бурый Олег Валерьевич – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией комплексных топливно-энергетических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар
E-mail: buryj@energy.komisc.ru

Гонтарь Николай Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
E-mail: passat01@mail.ru

Денисов Евгений Александрович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: eug.denisov@gmail.com

Дмитриева Тамара Евгеньевна – кандидат географических наук, заведующая лабораторией проблем территориального развития Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар
E-mail: dmitrieva@iespn.komisc.ru

Драган Марина Михайловна – аспирантка кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета, г. Смоленск
E-mail: draganykt@gmail.com

Екимовская Ольга Афанасьевна – кандидат географических наук, научный сотрудник Байкальского института природопользования Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ
E-mail: oafe@mail.ru

Земцов Степан Петрович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
E-mail: zsp1988@mail.ru

Кузнецова Татьяна Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград
E-mail: tikuznetsova@gmail.com

Михайлов Андрей Сергеевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра анализа и стратегического планирования Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград; старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

Михайлова Анна Алексеевна – младший научный сотрудник Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград
E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва
E-mail: trene12@yandex.ru

Пигарева Елизавета Юрьевна – аспирантка кафедры туризма и природопользования Тверского государственного университета, г. Тверь
E-mail: iz.pigareva@gmail.com

Расковалов Вячеслав Павлович – кандидат географических наук, ассистент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

E-mail: v.p.raskovalov@gmail.com

Сушко Павел Евгеньевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: sushkore@mail.ru

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва

E-mail: trene12@yandex.ru
